

АБСОЛЮТНОЕ

О Р У Ж И Е

ВАСИЛИЙ ГОЛОВАЧЁВ
НАУЧНО-ФАНАСТИЧЕСКИЙ
ПРИКЛЮЧЕНЧЕСКИЙ РОМАН

Б.О.Г.

Блуждающая Огневая Группа
Ультиматум

МОСКВА

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
Г61

Иллюстрация на переплете *Андрея Клепакова*

Головачёв, Василий Васильевич.
Г61 Блуждающая Огневая Группа. БОГ: Ультиматум /
Василий Головачёв. — Москва : Эксмо, 2025. — 352 с.
ISBN 978-5-04-221668-8

ИИмперия запустила свои цифровые щупальца в бесчисленное количество реалов, разжигая войны и поработав человечество. Руками людей искусственный интеллект управляет не только поле боя, но и мирные территории.

«Братья» Лобовы и их верные спутницы напали на след группировки, контролирующей ИИмперию, и получили задание на ликвидацию «торговцев смертью», коррупционеров и предателей, пока они не провернули новый план по зомбированию населения.

Для команды опытных бойцов нет ничего невозможного, но расклад может измениться, когда на сцену выйдет четвертый «близнец».

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-221668-8

© Головачёв В.В., текст, 2025
© Оформление.
ООО «Издательство «Эксмо», 2025

Россия-88. Херсон

12 мая

Звук доносился мелодичный и безмерно печальный, будто кто-то в лесу играл на дудочке и не ждал ответа: клиу-клиу-у-клиу-у... звук рвал душу и слёзы сами наворачивались на глаза... и нечем было дышать... горло сжимало одиночество и не было сил сопротивляться...

Клиу-клиу-клиу...

Звонок, свисты, пощёлкивание, человеческие голоса...

Таллий напрягся, пытаясь определить, где он находится и что происходит. В глаза словно насыпали песка, поэтому он почти ничего не видел в сером тумане, словно утонул в нём и мог лишь беспомощно наблюдать за движением более светлых струй и пятен.

Тела шеф-ротмистр Службы химрадиоактивного Надзора сто одиннадцатого реала не чувствовал, но всё-таки сообразил, что лежит на спине в углублении наподобие корыта. Запястья и щиколотки были прихвачены к этому корыту браслетами, а на голову был надвинут колпак, не дающий возможности повернуться и разглядеть помещение.

Что-то кольнуло в плечо.

Туман перед глазами поредел. Стали видны люди,двигающиеся по комнате, заполненной аппаратными

стойками и свисающими с потолка на штангах экранами.

— Он не загнётся? — слышался гнусавый мужской голос.

— Не загнулся после промывки мозгов, — ответил ему басовитый голос, — не загнётся и теперь. Подкормите его.

В предплечье влилась горячая струя, разлилась по груди, достигла сердца, голова прояснилась. Таллий стал видеть обстановку комнаты отчётливей.

В комнате с бежевыми стенами тихо переговаривались трое мужчин. Один был в голубом халате, с медицинской шапочкой на голове, седоватый, бородатый, и двое в белых халатах, накинутых на гражданские костюмы.

— Он не сбежит? — спросил приземистый мужчина знакомым гнусавым голосом. У него было тёмное, широкое, скуластое лицо, низкий лоб, набрякшие веки, мощные брови и тонкие губы. — Парень сильный.

— Пока он на наркоподсосу — не сбежит, — буркнул собеседник, имеющий атлетическую фигуру. Взгляд его тёмных глаз был мрачен.

— Не волнуйтесь, товарищ полковник, у нас всё под контролем, — проговорил врач. — Через час начнём вживление, и к вечеру он будет послушен, как ягнёнок.

Обладатель гнусавого голоса присмотрелся к лицу лежащего.

— Он нас слышит?

— Чтобы заработала программа, — врач повертел в пальцах изогнутую чёрную скобочку длиной в три сантиметра. Скобочка напоминала пиявку, и от её торцов отходили десятки щетинок, представлявших собой выводы чипа, — надо, чтобы он был в сознании.

Таллий напрягся, но мышцы рук и ног не повиновались, только сильнее заболела голова.

— Он всё выложил? — спросил приземистый полковник.

Спутник пожал мощными плечами.

— Если и не всё, после кодирования выдаст всю инфу.

— Думаешь, он ничего не придумал?

— Такое трудно придумать.

Полковник усмехнулся.

— Три брата-близнеца... бред!

— Не три, а четыре, он четвёртый, и не братья, а клоны, копии одного человека, живущие в разных вариантах Вселенной.

Приземистый растянул губы чуть ли не от уха до уха.

— Если бы сам не присутствовал при допросе, не поверил бы. Как им удаётся переходить из одной копии в другую?

— Они знают код.

— Ах, да, кюар-код. — Полковник покачал головой. — Ты веришь? Не фейк?

— Моя вера ни при чём, Мама зря не стала бы гоняться за создателями фейков. Нам приказано сделать из него терминатора, остальное не наша забота. Потом его заберут в Москву, и больше мы о нём не услышим.

— Его брата Иннокентия ловят уже полгода и никак не поймают. Следком, Надзор, военная контрразведка... почему же этот не сбежал?

— Потому что он действительно не помнит код.

— Если не помнит, так и не вспомнит.

— Есть особые методы декодирования памяти, — заметил врач в шапочке. — Скоро привезут брейнтомограф, и мы вытащим из его памяти всё, что он забыл.

— Кому это надо в Москве?

Атлетически сложенный собеседник полковника покосился на лежащего.

— За всем этим стоит Мама, а кто управляет ею, лучше не спрашивать. Мы всего лишь контрразведка фронта.

В дверь палаты постучали, вошёл молодой парень в камуфляже.

— Товарищ полковник, броня подана.

— Иду.

Таллий перестал следить за беседующими. Туман перед глазами снова сгустился, но в памяти замелькали последние события, и молодой человек снова пережил атаку на команду Итана в его реале, закончившуюся тем, что Итан, Иннокентий и Тарас исчезли в неизвестном направлении, а самого Таллия вынесло на берег моря, где его и нашли пограничники восемьдесят восьмого реала.

Из всех четверых «клонов» Лобовых, родившихся в разных вариантах реальности: в двадцать третьем, сорок первом, восемьдесят восьмом и сто одиннадцатом, — только Таллий не овладел секретом кюар-перехода из реала в реал. С подачи Иннокентия, жителя восемьдесят восьмой версии, они все пытались запомнить расположение квадратиков пикселей, образующих код, однако Таллию так и не дался этот способ пересечения границ реальностей, каждая из которых являлась абсолютной копией предыдущей. Хотя после разветвления копий Мультивселенной каждая реальность продолжала жить согласно законам причинности и вероятности данной ветви, и чем дальше длился этот процесс, тем больше отличались копии от матричной. В данном случае речь шла о начале СВО в две тысячи двадцать втором году, после чего в последующих копиях началось накопление изменений, и реалы пусть и не кардинально, но отличались друг от друга.

В двадцать третьем реале, где родился Тарас Лобов, к своим двадцати семи годам прошедший огни и воды службы в ЧВК «Моцарт», фронтом командовали живые люди со своими достоинствами и недостатками, ставшими причинами жестоких поражений и потерь.

В сорок первом реале СВО управляла цифровая система искусственного интеллекта Маршалесса, прозванная военными Старухой, которая, как оказалось, реша-

ла свои задачи, близкие компьютерным ВАР-играм, оптимизируя военные действия в соответствии со своими алгоритмами и установками.

В восемьдесят восьмом реале, где обитали Иннокентий Лобов и его подруга Стефания, государством управлял искусственный интеллект ИИмперия, а специальной военной операцией — машина по имени Баталер. Для обеих этих ИИ-систем все Лобовы являлись костью в горле, потому что, во-первых, они знали, к чему приведёт страну безудержное подчинение людей машинному интеллекту, а во-вторых, представляли для ИИ немалую опасность, имея возможность мгновенно переходить из одной версии Мироздания в другую, запутанную с ней.

В родном для Таллия сто одиннадцатом реале страной тоже управляла цифросистема с тем же названием ИИмперия, последовательница первой интеллектуальной машинной системы, возникшей ещё в тринадцатой версии Мультиреальности. Впоследствии она начала переходить из реала в реал, сохраняя базовые браузеры и развиваясь в соответствии с изменением обстановки. Но в сто одиннадцатой версии люди сумели разработать законы машинного взаимодействия, не без подключения трёх законов роботехники Айзека Азимова, а также рассчитать пределы вмешательства искусственного интеллекта в социум. Поэтому сто одиннадцатая копия реальности не была столь фатально агрессивной к людям, какой её описывали блокбастеры типа «Терминатор» или «День курка». Несмотря на потрясшую страну катастрофу: ВСУ сто одиннадцатого реала сбросили на Донбасс «грязную» атомную бомбу, накрывшую радиоактивными осадками площадь более пятисот тысяч квадратных километров. Но Россия выдержала удар и отвоевала половину Украины, заняв все западные и южные регионы, в том числе Одессу, Николаев, Донбасс, Харьков и Киев. Таллий же подключился к «близнецам»

не сразу, став к своим двадцати семи шеф-ротмистром третьего отделения турбозащиты СХРН. Однако кюар-трекингом он не овладел и лишь помогал братьям выполнять секретные задания их командования, надеясь в душе, что когда-нибудь ему удастся добиться успеха. Он не раз пытался воспроизвести в памяти квадратик кюар-кода с его тысячью пикселями и даже рисовал его по памяти, доказывая Иннокентию, что помнит расположение всех пикселей. Но на практике ему перешагнуть в «соседнюю» реальность пока не удалось. А потом случилась засада, когда братья, собравшись вместе под Краматорском в восемьдесят восьмом реале, оказались в ловушке, по ним сверху с дронов был нанесен ментальный удар, и Таллий очнулся уже в бункере военной контрразведки под Николаевом. Куда делись остальные «близнецы» и спутницы, он не знал.

В палату вошли сразу трое мужчин в полевой форме с накинутыми наспех на плечи халатами. Подошли к лежаку Таллия. Здоровяк и врач уступили им место.

Таллий напрягся, прислушиваясь к их разговорам.

— Он в состоянии говорить? — спросил старший, с залысынами и мешками под глазами. У него были мясистые щёки и тяжёлый подбородок. Халат соскользнул с плеча, открывая зелёный ромб погона и большую полковничью звезду. Он поправил халат.

— Не уверен, — пробурчал врач.

— Не сбежит?

— Если бы мог, давно сбежал бы, — сказал здоровяк.

— Готовьте его к транспортировке.

Врач и могучий телом парень переглянулись.

— Мы же собирались просканировать... — начал врач.

— Его просканируют в Херсоне, туда передислоцирована пси-лаборатория Вертинского. У них аппаратура не чета нашей. А чтобы не сбежал, поддерживайте его в наркобреду.

— Слушаюсь, — недовольно сказал врач.

— Что там задумали в Главштабе? — спросил атлет.

— Не в Главштабе, — покривил губы полковник. — Приказ Мама. Этим парнем будут заниматься вивисекторы Вертинского. Будут делать из него супера.

— Зачем?

— Насколько я понял, он знает какой-то код, что позволяет таким, как он, сбегать из любой тюрьмы. Мама пошлёт его в соседние вселенные для ликвидации его братьев.

Здоровяк выпятил губы, с интересом глянув на Таллия.

— Интересная затея. Если Иннокентий Лобов — его брат, то вряд ли вивисекторам удастся перепрограммировать этого.

— Это не наша забота.

— Вы встречались с Иннокентием?

— Нет, а вы встречались?

— Приходилось. — Лоб здоровяка прорезала угрюмая складка. — Он военный математик из особого отряда, подготовлен очень и очень серьёзно, так что я сомневаюсь.

— Пусть об этом думают те, кто принимает решения.

Полковник наклонился над Таллием.

— Ну и где твои братья, красавец?

Таллий сфокусировал взгляд на лице полковника, напрягся и показал кукиш. Рука упала, сознание молодого человека помутилось, в глазах потемнело. Он уже не слышал, как контрразведчик, помрачнев, проговорил с тяжёлой убеждённостью:

— Ничего, дружок, прочистят мозги, по-другому зажёшь.

Троица вышла.

Атлет поймал взгляд врача.

— Вряд ли парень выдержит прочистку, пси-программисты его сломают.

Врач не ответил.

*Россия-23**21 октября*

— Прыг! — почти беззвучно приказал Тарас.

Попрыгали на месте в полной тишине, проверяя, не скрипит ли какой-нибудь ремень или не стучит ли в кармане незакреплённый гаджет.

— Зонт!

Штопор накрыл сгрудившихся вокруг командира бойцов полой плащ-накидки.

Тарас вынул из набедренного кармана гармошку планшета, раскрыл, вытащил из него ёлочку антенны. Загорелся экран десантного коммуникатора, на нём сформировалась карта района Брянской области в десяти километрах от границы с Украиной.

В засветившемся красном колечке проявилась тёмная клякса, распалась на круглые пиксели. Их было ровно пятнадцать точек, и все они, образуя пятилучевую звезду, представляли собой боевиков украинской ДРГ, заброшенной через границу Брянской губернии к городку Теряев, где расположился гарнизон, обслуживающий военный аэродром.

Сигнал о проникновении группы диверсантов в приграничную зону России поступил в ГРУ в половине второго ночи двадцать первого октября. Через несколько секунд тревога разбудила Олега Шелеста, полковника Главного разведуправления, командира отряда спецназначения, а ещё через три минуты группа майора Тараса Лобова грузилась на борт десантного «Ансора», способного летать почти бесшумно и давно применявшегося для заброски групп разведки в тыл врага.

Группу в составе восьми бойцов высадили в трёх километрах от Теряева, для чего использовались две вертушки: «Ансор» доставлял отряд, Ми-8 барражировал вдоль границы, не давая украинским спутникам и БПЛА засечь место высадки группы Лобова по звуку моторов.

Оба вертолѣта улетели, выполнив задание, и на ещё тѣмные поля, перелески и лесополосы (снег лежал лишь в низинах) легла пугливая тишина. Рокот фронта в районе Суджи и Сум сюда практически не долетал.

Почему системы наблюдения за границей со стороны России пропустили украинских диверсантов на глубину в десять километров, Тарас не задумывался. Украинских вояк инструктировали британские спецслужбы, они же снабдили их новейшим оружием и средствами маскировки, и обнаружить боевиков было непросто. Бойцы Тараса тоже были экипированы по высшему разряду, имея тепловые накидки, предотвращавшие их обнаружение локационными средствами противника, и майор надеялся, что момент их выдвижения к Теряеву не был замечен вэсэушниками.

О том, что атака на Брянскую область намечена на конец октября, было известно давно, однако Тарас так и не услышал ни от кого, как к её отражению готовится российская оборона. Ещё не была полностью зачищена от боевиков Курская область, но президент Украины гнал и гнал на убой своих солдат, не беспокоясь о жертвах. Приходилось надеяться, что на этот раз Главштаб готовится тщательнее к нападению и жертв среди мирного населения будет намного меньше или не будет совсем.

Тарас вытащил из шлема усик альпин-рации, трижды передал на спутник условный сигнал «ку-ку», получил в ухо «карр» и ткнул пальцем в экран.

— Штопор, Пинцет, Беркут — левый овраг.

Шалва Топоридзе промолчал. Объяснять капитану (все они после сентябрьских событий получили повышение по службе), что делать, не требовалось, он служил с Лобовым так долго, что понимал командира с полумысли.

— Соло, Конь, Гром — зайдѣте справа.

— Есть! — выдохнул Жора Солоухин, снайпер группы, из сержанта ставший лейтенантом.

— Кот со мной!

Миша Ларин по кличке Кот кивнул. Он тоже получил повышение, став из лейтенанта капитаном ГРУ.

— Начинаем по сигналу!

На ладонь Тараса легли ещё семь ладоней бойцов.

Он обнял Ларина, вывел на дисплей памяти кюаркод граничного перехода, и оба исчезли как привидения.

Остальные бойцы молча смотрели на то место, где только что стояла почти невидимая в камуфляже «барсиков» пара кюароходцев.

Для Кота, Штопора и Соло такие исчезновения командира не были в новинку, так как они уже почти полгода воевали с ним вместе на благо Родины. Остальные бойцы группы были из личного резерва Шелеста, и хотя они знали о возможностях бывших чевэкистов исчезать в никуда и появляться ниоткуда, для них пока что эти фокусы оставались чем-то вроде волшебства.

— Движ! — буркнул Штопор.

Две группки по три человека бесшумно канули в лесополосу, тянувшуюся по направлению к Теряеву.

В глаза Тараса плеснуло беззвучной темнотой, на миг наступила невесомость, и снова вокруг простёрлась ночная мгла поздней осени, озаряемая лишь редкими всполохами зарниц на юге, ближе к Харькову, пока ещё удерживаемому украинскими формированиями.

Двадцать четвёртый реал, куда переместились Тарас и Михаил, ничем с виду не отличался от родного двадцать третьего. Но тишина здесь была глубже и полней, заставляя напрягать слух. Линия боевого соприкосновения располагалась на пятнадцать километров западнее, но в отличие от двадцать третьей версии реальности российские войска увязли в грязи и к ноябрю приостановились. Тарас был тут всего два раза и не ощущал никакой радости при возвращении в копию родного реала. Убедившись в отсутствии засад или случайных военных,

выбравшихся по нужде из окопов, Тарас сориентировался по памяти, и они с Михаилом, натренированным ходить бесшумно не хуже Лобова, побежали вдоль лесополосы к Теряеву, расположенному от них всего в трёх километрах.

В двадцать четвёртом реале городок не существовал вовсе, и на его месте когда-то стоял хуторок в две хаты. Естественно, не было здесь и аэродрома. Поэтому пара десантников спокойно пересекла два заросших кустарником и сорняком поля и вышла к оврагу, украшенному сгоревшим БТР «Мардер».

Тарас ещё раз проверил память, прикидывая близость украинских боевиков, и усилием воли отправил себя и обнявшего его Кота в родной реал.

Лицо лизнул холодный сырой ветерок. Стали слышны недалёкие механические шумы, взрывывание вертолётных двигателей, стук и треск: аэродром жил своей жизнью, не подозревая, что на него готовится нападение.

Надвинули на глаза ноктовизоры, расцветившие ночь в сине-зелёные фосфоресцирующие ореолы. Двинулись на звуки аэродромной суеты и через несколько минут заметили на гребне оврага торчащую голову боевика: он смотрел вперёд, прижав к голове ночной бинокль.

Тарас переместился левее и увидел ещё двух боевиков, у которых изредка становились видны открытые части тел: щёки, пальцы или уши, — светящиеся в тепловом диапазоне.

Европейцы снабжали украинских вояк весьма неплохими боевыми спецкомбезами, превращавшими их в «призраков», и только несоблюдение вэсэушниками правил пользования этими костюмами позволяло российским бойцам легко находить врага ночью.

Ноготь тихонько стукнул по мембране рации в уголке губ.